

НЕПОБѢДИВШІЙ ГЕРОЙ*).

Неся свое историческое бремя, въ борьбѣ за свою свободу и за свой духовный расцвѣтъ, каждый народъ нуждается въ герояхъ, въ людяхъ *силы, прозрѣнія и ответственности*; въ людяхъ, которые, разрѣшивъ въ самихъ себѣ всѣ противорѣчія и затрудненія національнаго характера и преодолевъ въ самихъ себѣ его слабости и соблазны, могли бы тѣмъ самымъ возглавить свой народъ и повести его за собою въ его національной борьбѣ. Имъ нужна *прозорливость* для того, чтобы увидѣть пути и судьбы своего народа; имъ нужна *сила*, чтобы волею своею принять на себя и поднять историческое и государственное бремя своего народа; имъ нужно величайшее чувство *ответственности* для того, чтобы идти самому и вести свой народъ къ вѣрной цѣли, рѣшиться за себя и за него и одолевать слабости и соблазны *его* души такъ, какъ они побѣдили ихъ въ *своей* душѣ...

И, если это вѣрно примѣнительно къ каждому народу, то это относится въ особенности къ *нашему* народу и нашей странѣ. И если всѣ народы нуждаются въ герояхъ и вождяхъ, то Россія не можетъ безъ нихъ ни быть, ни строиться, ни цвѣсти. Ибо въ силу множества расовыхъ, историческихъ и географическихъ условій русскому человѣку не часто удается выковать, воспитать и укрѣпить свой характеръ, довести его, по слову Пушкина, до того *само-стоянія*, до той *уравновѣшенной творческой свободы*, которая необходима намъ для того, чтобы нести и творить Россію; до той властности и спокойной зрѣлости духа, которой Россія въ правѣ требовать отъ каждаго изъ насъ, требовать не только ради насъ самихъ, но и ради нея самой...

Русскому народу свойственно особое своеобразное распределение запасовъ личной воли и характера: большинство на уровнѣ ниже средняго, даровитое и благодушное человѣческое множество, сильное своею цѣлкостью, приспособляемостью и терпѣніемъ, но рыхлое въ рѣшеніяхъ и удобособлазняемое въ чувствахъ; и, наряду съ этимъ, отдѣльные, могучіе, кованые люди, въ которыхъ это множество нуждается, которымъ лучшіе изъ этого множества рады преданно служить и черезъ которыхъ каждый изъ этого множества — и чѣмъ преданнѣе онъ вождю, тѣмъ это сильнѣе и больше, — крѣпнеть и какъ бы мужаясь, закаляется, не выходя изъ своихъ предѣловъ.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ 1930 года на торжественномъ собраніи памяти адмирала Александра Васильевича Колчака.

Иногда кажется, что это по истинѣ про насъ сказано: «поражу пастыря и разсѣются овцы...»

Чѣмъ больше и исторически безпримѣриѣе бремя Россіи, какъ великаго государственнаго и духовнаго единства; и чѣмъ менѣе мы разрѣшили проблему воспитанія русскаго національнаго характера, — слѣдовательно: чѣмъ больше здѣсь несоотвѣтствіе и чѣмъ труднѣе задание, — тѣмъ необходимѣе намъ вожди и герои, тѣмъ естественнѣе у насъ культъ героевъ, тѣмъ большій вѣсъ они сами имѣли и будутъ имѣть въ исторіи и въ судьбахъ нашей страны.

Не спрашивайте, *откуда* наше историческое крушеніе, какъ могло оно возникнуть: оно всецѣло опредѣляется несоотвѣтствіемъ между нашимъ національно-историческимъ *бременемъ* и *незрѣлостью*, незакрѣпленностью нашего національно-историческаго *характера* и *правосознанія*... И враги Россіи знали, знаютъ и нынѣ, куда они загоняли погибельный клинъ, когда увлекали насъ на пути, безмѣрно увеличивающіе это бремя и въ то же время расшатывающіе нашъ характеръ и наше правосознаніе...

Въ этомъ объясненіи, въ этой формулѣ собраны и объединены, предусмотрѣны и включены *всѣ* факторы, *всѣ* объясненія, *всѣ* причины русской революціи. И понятно, что когда историческія обстоятельства сложились въ Россіи въ началѣ двадцатаго вѣка именно такъ, какъ это было: когда на неокрѣпшій еще, послѣ натурально-крѣпостническаго хозяйства и права, организмъ страны обрушились всѣ блага и всѣ *соблазны* частно-хозяйственнаго и капиталистическаго уклада и мірового рынка; когда русскій крестьянинъ еще не научился быть ни собственникомъ, ни полноправнымъ гражданиномъ, а война потребовала отъ него величайшихъ хозяйственныхъ напряженій и гражданственныхъ жертвъ; когда, слѣдовательно, при слабомъ организмѣ бремя испытаній непосильно удвоилось и утроилось, а соблазны зависти, жадности, воинскаго и гражданскаго безчестія — удесятились; когда государственно-историческія опоры религіознаго правосознанія вдругъ сорвались со своихъ цѣпей и рухнули въ пропасть, — тогда правосознаніе и характеръ народныхъ массъ не выдержали и соблазны революціоннаго безчестія сдѣлались неодолимымъ.

Тогда пробилъ историческій часъ: и навстрѣчу шабашу революціонной нечисти, навстрѣчу малодушію, соблазну и крушенію, — какъ бы на вызовъ національной совѣсти и чести, какъ бы на зовъ національнаго инстинкта самосохраненія — встали наши герои и вожди.

Однимъ изъ первыхъ и обаятельныхъ былъ адмиралъ Колчакъ...

Человѣкъ, какъ бы выкованный изъ благородства и потому безмѣрно страдавшій отъ чужой низости, настоящую изменчивость которой онъ даже не могъ ни измѣрить, ни вообразить.

Русскій патріотъ, мечтавшій объ одномъ — возвеличить Россію своимъ подвигомъ, и обреченный на то, чтобы пережить годы величайшаго всероссійскаго униженія и позора. Воинъ, созданный для борьбы, упоенно отдававшійся ей, прозрѣвавшій вмѣстѣ съ Гераклитомъ Эфесскимъ ея таинственную судьбоносность, умѣвшій, какъ рѣдко кто, вырывать у судьбы военное счастье, — и носившій въ своемъ сердцѣ исчезающее предчувствіе своей трагической обреченности. Герой, не искавшій власти, но приведенный къ пей въ порядкѣ самоотверженнаго служенія. Морякъ по призванію, которому судьба навязала задачу: организовать океанъ сибирскаго материка и возглавить небывалую по протяженности сухопутную кампанію. Солдатъ, таившій въ себѣ ученаго и мыслителя, и не предвидѣвшій, что Россія потребуетъ отъ него опыта государственнаго вождя и искусства политическаго демагога. Рыцарь, окруженный стихією черни и преданный вѣроломными иностранцами на растерзаніе этой черни... Образъ величайшаго трагическаго обаянія: непобѣдившій и непобѣжденный герой; образъ, который будетъ возвеличенъ грядущими поколѣніями и въ памятникахъ, и въ созданіяхъ словеснаго художества...

Непобѣдившій... Но непобѣдившій только свиду.

Ибо *герой побѣждаетъ всегда*: и тогда, когда расхолодившіяся стая черни терзаютъ его трупъ, какъ было съ Корниловымъ; и тогда, когда таинственный недугъ внезапно угапаетъ неопалимую кушину его духа, какъ было съ Врангелемъ; и тогда, когда революціонныя банды предательски овладѣваютъ имъ и разстрѣливаютъ его, какъ «врага народа»... Герой побѣждаетъ и тогда, когда исторія ставитъ его подвигъ въ рамки внѣшней неудачи: ибо и тогда его жизнь и его смерть остаются живымъ національно-пророческимъ голосомъ, зовущимъ черезъ вѣка къ чести и вѣрности, къ мужеству и жертвѣ. Такой герой какъ бы *начинаетъ* дѣло національнаго возрожденія и побѣды надъ соблазномъ. Знаемъ: не онъ закончитъ его. Но тотъ, кто закончитъ его, — довершитъ свое дѣло только благодаря тому, что *онъ* его началъ. Ибо есть герои основоположники, вожди начала; и есть герои довершители, вожди конца. Горе странѣ, которая не найдетъ въ себѣ героев основоположниковъ, вождей начала! Она останется въ бурю безъ компаса и руля; въ степи, въ почномъ буранѣ безъ звѣздъ; и бѣсъ заводитъ ее и закружитъ до конца. Болѣзнь овладѣвающая ею настолько остра и глубока, что духъ ея не откликается подвигомъ на самое постыднѣе униженіе, на предѣльное безчестіе.

Нынѣ, созерцая исторически пройденный путь борьбы, мы видимъ и знаемъ, что нашимъ «героямъ начала» невозможно было побѣдить расплескавшуюся стихію *всемірнаго безчестія, русской безхарактерности и революціоннаго соблазна*. Видимъ и разумѣемъ это; и видя, и разумѣя это, утверждаемъ, что наши основоположники, если бы они сейчасъ увидѣли всѣ двѣнад-

цать прошедшихъ лѣтъ. и если бы дана была имъ возможность вернуться къ началу борьбы и заново сложить свой путь. — опять выбрали бы свой прежній путь и поступили бы во всемъ духовно-идейномъ такъ же, какъ поступили въ первый разъ. Ибо герой выбираетъ свой путь и идетъ — не по путямъ внѣшняго только успѣха (этотъ успѣхъ зависитъ вѣдь не только отъ него; вѣдь далеко не все историческое въ его власти...): онъ идетъ по путямъ внутренней, духовной необходимости и внѣшняго успѣха онъ ищетъ именно на этихъ путяхъ: онъ не купилъ бы «внѣшняго успѣха» — ни цѣною слабости и безхарактерности, ни цѣною униженія и безчестія. Это путь — не героевъ и не вождей; на этомъ пути люди не вступаютъ въ пантеонъ національныхъ героевъ, уже потому, что спасительная *волевая идея не ослѣняетъ безчестное сердце и соблазненную главу.*

Побѣда героя не измѣряется ни его внѣшней неудачей. ни его внѣшней удачей — вопреки мнѣнію толпы. Есть другія. *неосязаемыя мѣрила правоты; есть другіе. сокровенныя критеріи реальности.* И этими мѣрилами живетъ герой; и въ этомъ пламѣ онъ творитъ свою правоту и побѣду.. И грядущія. исцѣленные отъ бѣснованія, русскія поколѣнія будутъ цѣнить и мѣрить — и нашихъ вождей, и всѣхъ насъ — этими мѣрами правоты и реальности.

Да, когда нибудь впоследствии, когда наше крушеніе будетъ изжито и преодолено до конца, и насъ уже не будетъ, и исторія русской революціи перестанетъ быть русскою мучою, а станетъ созерцаніемъ русскихъ страданій, отошедшихъ въ прошлое, — будутъ сказаны справедливыя и мудрыя слова о нашей борьбѣ и о нашихъ вождяхъ. Они будутъ сказаны не нами, несущими эту мучу и ведущими эту борьбу, а тѣми, кто, умудрившись нашей мучою и наслаждаясь тѣмъ справедливымъ исходомъ, которымъ увѣнчается наша борьба, увидитъ изъ нѣкотораго историческаго удаленія *національно-духовную плодотворность этой мучки и государственно-національную необходимость* этой закончившейся борьбы...

Ибо. — вѣрьте. друзья мои. вѣрьте всюю силою вашей очевидности и вашей воли, — муча наша будетъ плодотворна для нашей родины и борьба наша необходима для бытія и самостоянія нашей чудесной Россіи! И страдаемъ мы не бессмысленно; и боремся мы за то, за что и мы, и все человѣчество — *должны бороться и призваны бороться...*

И тогда, когда въ разлагающемъ вокругъ насъ историческомъ болотѣ, въ которомъ мы стоимъ, погруженные по шею, набѣгаетъ на насъ мутная и ядовитая волна какой то полои наводи. когда самая трясина. кажется, колеблется подъ нашими ногами и залиываетъ насъ минутами до самаго рта. — тогда мы знаемъ и вѣримъ съ особенною силою и ясностью, что мы призваны стоять до конца въ вѣрѣ и вѣрности и что этимъ

— молитвенно-заклинающимъ и до конца несоблазненнымъ, — все преодолюющимъ стояніемъ нашимъ мы уже побѣждаемъ и выпашиваемъ, и подготавливаемъ грядущую внѣшнюю побѣду.

Такъ, именно такъ до конца стоять, и тѣмъ самымъ побѣдиль, и насъ научилъ побѣдъ нашъ, свиду непобѣдившій русской національный герой Александръ Васильевичъ Колчакъ.

И. А. Ильинъ.

ОТЖИВАЮЩАЯ ИДЕЯ.

Въ числѣ другихъ идей, полученныхъ въ наслѣдство отъ XIX вѣка, идей, абсолютная и практическая цѣнность которыхъ считалась неоспоримой, была и идея всеобщей воинской повинности.

Система всеобщей воинской повинности возникла болѣе столѣтъ назадъ, какъ слѣдствіе политическаго и военнаго разгрома Пруссіи.

По Тильзитскому миру, Пруссія могла содержать армію лишь въ 42 000 чел., должна была уничтожить рядъ своихъ крѣпостей и выполнить длинный перечень условій, фактически низводившихъ наслѣдниковъ Фридриха Великаго на положеніе послушныхъ вассаловъ Наполеона. Переживанія національнаго несчастья пробудили въ германскомъ народѣ стремленіе къ нравственному и политическому возрожденію. Страна покрылась сѣтью патріотическихъ обществъ «Союза Добродѣтели». «Ночные всадники» Люцова вели жестокую партизанскую борьбу въ тылахъ французскихъ армій. Разрозненная, уничтоженная Германія вынашивала идею единого германскаго народа.

Лучшіе нѣмецкіе поэты призывали къ освобожденію отъ французской гегемоніи и къ объединенію націи. Короче говоря, Германія вообще, а Пруссія въ особенности переживали въ тѣ годы величайшій патріотическій подъемъ. Творцы всеобщей воинской повинности — Шарнгорстъ и Штейнъ, создавая совершенно новую тогда военную систему, имѣли дѣло при практическомъ ея осуществленіи съ такимъ первокласснымъ, въ смыслѣ патріотизма, матеріаломъ, какимъ были нѣмцы въ началѣ XIX вѣка. Вновь созданная военная система базировалась на основномъ принципѣ — на священномъ правѣ каждаго гражданина защищать свое отечество.

Ни Шарнгорсту, ни Штейну, ни Гёте, ни милліонамъ другихъ нѣмцевъ не могла, конечно, придти въ голову мысль, что нѣмецъ можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своей Родины. Примѣры Испаніи и Португаліи и ихъ успѣшная борьба съ Массеной, однимъ изъ лучшихъ наполеоновскихъ маршаловъ,